

Предисловие научного редактора

Уважаемые читатели, вашему вниманию предлагается перевод книги французского историка Анатоля Леруа-Больё «Русский государственный деятель», посвященная биографии выдающегося российского реформатора середины XIX века Николая Алексеевича Милютина, главного организатора подготовки крестьянской реформы 1861 года.

Анатоль Леруа-Больё относительно малоизвестен российской читающей публике, хотя его фундаментальный труд «L'Empire des tsars et les russes» («Империя царей и русские»), изданный в 80-е годы XIX века [Leroy-Beaulieu 1881–1889], представляет собой первое профессиональное исследование истории России, осуществленное европейским специалистом. К сожалению, эта книга до сих пор не переведена на русский, но в интернете можно ознакомиться с ее английским переводом, сделанным еще в начале 90-х годов XIX века известной российской писательницей и переводчицей Зинаидой Рагозиной [Leroy-Beaulieu 1893–1896].

Биографическая книга Леруа-Больё о Николае Милютине гораздо скромнее и по историческому охвату, и по объему. Она основана в значительной степени на переписке Милютина и отчасти на личном общении автора с сотрудниками Милютина в подготовке крестьянской реформы — Юрием Самариным и князем Владимиром Черкасским.

Николай Милютин является одним из наиболее ярких представителей поколения реформаторов 60-х годов XIX века, поколения, которое осуществило самые глубокие и успешные соци-

альные реформы в Российской истории. По своей роли в осуществлении социальных преобразований в России Николай Милютин стоит никак не ниже Михаила Сперанского, Сергея Витте или Петра Столыпина, однако сейчас является личностью полузабытой, а отчасти и загадочной. Николай Милютин был карьерным бюрократом, всю взрослую жизнь провел на государственной службе и не мог публично излагать свои общественные и политические взгляды. Он рано умер и не оставил, в отличие от своего старшего брата, военного министра Дмитрия Милютина, никаких воспоминаний.

После книги Леруа-Больё первая биография Н. Милютина на английском языке авторства Брюса Линкольна вышла в США только в 1977 году [Lincoln 1977].

Первая монография на русском языке, посвященная Николаю Милютину, вышла в 2019 году [Морозова 2019], но она в основном охватывает ранний период деятельности реформатора и в большей степени затрагивает вопросы участия Милютина в реформировании губернского и уездного управления.

Ценность работы А. Леруа-Больё состоит в том, что она основывается на большом корпусе переписки Николая Милютина, благодаря чему мы можем непосредственно ознакомиться с его мнениями и идеями. В предисловии к своей книге Леруа-Больё не указывает на источник переписки, но, по всей видимости, письма были переданы вдовой Милютина Марией Аггеевной через И. С. Тургенева, который был другом семьи Милютиных и одновременно хорошим знакомым Леруа-Больё.

Большая часть писем Николая Милютина до сих пор не опубликована. Исключения составляют мемуары Дмитрия Милютина, изданные в России в начале XXI века в семи томах, где представлена небольшая часть переписки братьев Милютиных, а также огромный труд княжны Ольги Николаевны Трубецкой «Кн. В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Материалы для биографии», изданный в начале XX века [Милютин Д. 1997–2006; Трубецкая 1904]. В указанной книге представлена переписка князя Черкасского с Николаем Милютиным до 1863 года. Переписка более позднего периода (1864–

1866 годы), связанная с пребыванием князя Черкасского в Польше, не была опубликована, однако вся она доступна в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ) (фонд 327 Черкасские, картоны 30, 31, 32).

В архиве Милютиных (Российский государственный исторический архив, фонд 869) сохранилось очень небольшое количество оригиналов писем Н. А. Милютина (в основном это письма к М. А. Милютиной)¹ и практически нет оригиналов писем его корреспондентов. Однако М. А. Милютина в процессе подготовки своих записок, которые хранятся в архиве Милютиных в РГИА и были частично опубликованы в «Русской старине» [Милютина 1899], сделала значительное количество копий переписки Николая Алексеевича с его корреспондентами. Большая часть текстов писем, цитируемых в русском переводе книги, следует именно копиям, сделанным М. А. Милютиной, либо чистовым (писарским) копиям этих писем².

Некоторая проблема состоит в том, что М. А. Милютина при копировании писем опускала их отдельные фрагменты, в основном связанные с личными впечатлениями и некоторыми персоналиями, причем в разных копиях отсутствуют разные фрагменты. Так, копии писем Николая Милютина и его корреспондентов, находящиеся в так называемой коллекции Осборна (Osborn Collection)³ в Йельском университете, существенно отличаются от текстов писем, представленных в РГИА. В случае таких расхождений мы ориентировались на французские тексты писем, цитируемые в книге Леруа-Больё.

Отличительной чертой книги Леруа-Больё является особое внимание к последнему периоду деятельности Н. А. Милютина, а именно к преобразованиям в Польше в 1863–1866 годы, которыми руководил Николай Милютин. Леруа-Больё подробно пишет о тех непростых дилеммах, с которыми сталкивалась

¹ РГИА. Ф. 869 Милютины. Оп. 1. Д. 1197.

² РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1142, 1144, 1145, 1149.

³ Nikolai Alekseevich Miliutin papers. Osborn collection, Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University. Box 1, folder 3.

команда Милютина в Польше, и о дефектах в конструкции польской крестьянской реформы. При этом, однако, он умалчивает о том, что отдельные аспекты деятельности Н. А. Милютина в Польше осуждали не только «полонофилы» в придворных кругах, но и либеральная общественность Петербурга, а также многие московские славянофилы.

Серьезный конфликт существовал и внутри польского правительства, где два бывших союзника Н. А. Милютина по крестьянской реформе В. А. Арцимович (министр юстиции Польши) и А. И. Кошелев (министр финансов) открыто критиковали экстралегальные методы работы Н. А. Милютина и князя В. А. Черкасского (в то время — министра внутренних дел Польши) [Спасович 1902; Кошелев 2002].

В заключение хотелось бы привести две оценки личности Николая Милютина. Первая оценка принадлежит русскому историку А. А. Кизеветтеру, она сделана в книге «Освобождение крестьян. Деятели реформы» [Кизеветтер 1911].

...Милютин представляется мне совершенно исключительным явлением в истории русской общественности. В чем же состояла эта исключительность? Как ни велики были государственные таланты Милютина, но русская история знает и других государственных деятелей, которые могут быть поставлены в ряд с ним в этом отношении. Вспомним, например, Сперанского. Была, однако, в Милютине одна черта, делающая его, на мой взгляд, отдаленным предтечей такого типа государственных деятелей, который был совершенно неизвестен нашему политическому прошлому и рождения которого мы еще не дождались в настоящем. Эта черта заключается в том, что Милютин совмещал в своей личности и своей деятельности представителя правящей бюрократии и представителя передовой интеллигенции, притом совмещал эти два положения не механически, а органически.

Исторические условия русской жизни вырыли целую пропасть между этими двумя элементами нашего общественного строя, превратили их в два взаимно враждебные стана. Мы привыкли к той, вполне подтверждающейся жизнен-

ными фактами мысли, что представитель правящей бюрократии неизбежно является отщепенцем от передовой интеллигенции, и, наоборот, всякий представитель передовой интеллигенции есть прежде всего мятежный отрицатель всего того, что несет с собою для страны правящая бюрократия. Нам в высшей степени трудно вообразить себе общественного борца в мундире чиновника. Между тем конкретным воплощением столь необычного у нас сочетания как раз и являлся Милютин. В этом его характернейшая отличительная особенность, в этом специфический интерес изучения его деятельности. Личные свойства Милютина, благородство его души, очевидная для всех чистота его намерений неизменно снискивали к нему глубокое уважение со стороны независимых друзей общественного прогресса. И тем сильнее было недоумение, возникавшее у многих, перед своеобразием занятой Милютиным политической позиции. Это недоумение с обычной яркостью своего пера выразил Герцен, писавший, между прочим, в период работы редакционных комиссий: «Братья Милютины — эти Аркадий и Гонорий Русской империи — становятся какими-то сфинксами... Бюрократы и либералы, организаторы и децентрализаторы, вчера западники, сегодня славянофилы, завтра... кто их знает что?» <...>

В самом деле, несмотря на свою бюрократическую карьеру, Милютин всегда был связан теснейшими идейными и личными узами с передовыми элементами русской интеллигенции. В 40-х годах молодым чиновником Министерства внутренних дел Милютин считался главой петербургской интеллигентной молодежи, тяготевшей к «западникам». <...> Грановский, приехав в 1848 году в Петербург, познакомился с Милютиным и писал жене про него: «Это — умный и благородный человек, с которым приятно встретиться». <...> Напротив того, правящая бюрократия всячески старалась оттолкнуть от себя Милютина, как некое чужеродное тело, и принимала его в свои ряды с крайней неохотой, повинувшись печальной для себя необходимости. <...> Бюрократические тузы и руководители придворной камарильи чувствовали в Милютине чужого для себя человека, не выносили его прямоты, нелицеприятия, его открытого возмущения всякого рода административными злоупотреблениями и ставили ему на счет предосудительные с их точки зрения связи

с либералами. <...> Милютину приходилось в течение всей своей служебной деятельности испытывать какую-то затаенную подозрительность к себе со стороны высших сфер. В критические моменты пользовались его талантами, выказывали ему даже внешние знаки благоволения, но за всем этим неизменно чувствовалась внутренняя отчужденность от его личности, отсутствие той живой и непринужденной симпатии, которую обнаруживают к своему человеку [Кизеветтер 1911: 244–246].

Вторая оценка была дана Б. Н. Чичериным в его мемуарах. Эта оценка особо ценна тем, что Борис Николаевич был очень высокого мнения о себе и зачастую незаслуженно низко оценивал достоинства своих современников.

Николай Алексеевич был в то время, как я с ним познакомился, директором Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. Это был человек, совершенно из ряда вон выходящий. У него был практический взгляд на вещи, способность быстро схватывать всякое дело, даже мало ему знакомое, и с тем вместе знание людей, умение с ними обходиться, ладить с высшими, а низших поставить каждого на надлежащем месте. В дружеском кругу пылкая его натура изливалась непринужденно в живой и блестящем разговоре, приправленном юмором, а иногда и едким сарказмом. Но в обществе он никогда не проронял лишнего слова. При тогдашних условиях это было тем необходимее, что он был чрезвычайно общительного характера. Многим его блестящая личность колола глаза; его обзывали либералом, демократом и чиновником; но, несмотря на свою видимую пылкость, он не давал против себя оружия и умел завоевать себе положение, тонко понимая людей, соединяя откровенность с осторожностью и зная, что кому следует сказать, чтобы направить его к желанной цели. И это он делал, никогда не кривя душой. Характер у него был прямой, возвышенный и благородный. Страстно отдаваясь всякому полезному делу, он презирал все мелочное. Поэтому, несмотря на то, что вся его жизнь протекала в петербургской чиновничьей среде, несмотря на то, что его бранили бюрократам, он никогда не мог сделаться таковым. Широкая его

душа не терпела ни рутины, ни формализма. Когда я впервые с ним сошелся, он вращался преимущественно в избранном литературном кругу, а когда пришла пора действовать, он прежде всего почувствовал необходимость не ограничиваться чиновничьими сферами, а призвать к делу свежие общественные силы. Ни в чем, может быть, возвышенность и благородство его природы не выражалось так сильно, как в том горячем сочувствии, с которым он встречал всякое проявление таланта и способностей, какого бы то ни было направления. Он постоянно старался отыскивать и привязать к себе все лучшее, что он встречал в обществе, никогда не опасаясь соперничества, а стремясь привлечь всякую крупную силу к совместной работе. Он не довольствовался орудиями, а хотел сотрудников. Таких он нашел в Самарине и Черкасском, которых он призвал к общественному делу и которые стали ближайшими его друзьями, несмотря на то, что теоретически во многом с ним расходились. Но он был выше обоих, хотя и уступал им по образованию. У него не было умственной односторонности Самарина, а было то, чего не доставало последнему: практический смысл и знание людей. У него не было и одностороннего увлечения практическим делом, как у Черкасского. Со своим ясным, твердым и трезвым умом он охватывал всякий вопрос со всех сторон; неуклонно стремясь к предположенной цели, он никогда ею не увлекался, а знал ее границы и ее слабые стороны. Одним словом, это был государственный человек в истинном смысле слова, такой, какой был нужен России на том новом пути, который ей предстояло совершить [Чичерин 2010: 233–234].

Работа по переводу книги и ее подготовке к печати была сделана довольно быстро — буквально в течение нескольких месяцев. Здесь хотелось бы поблагодарить всех участников этого процесса. Директор-координатор научно-исследовательских программ «Леонтьевского центра» *Леонид Лимонов* первым прочитал французский текст и взял на себя смелость рекомендовать его к переводу. Переводчик *Михаил Щербина* прекрасно справился с несколько тяжеловесным текстом Анатоля Леруа-Больё, сохранив, однако, в русском переводе стилистику французских акаде-

мических работ XIX века. Большую помощь в поиске оригиналов и копий переписки Н. А. Милютина оказали сотрудники Российского государственного исторического архива: директор *Светлана Викторовна Штукова*, заместитель директора *Наталья Витальевна Колосенкова*, начальник отдела *Мария Леонидовна Салуквадзе*, а также сотрудники Библиотеки редких книг и рукописей Йельского университета *Анна Арайс* и *Ребекка Магуайр*. *Владислав Афанасенков* из МВШСЭН принял активное участие в расшифровке архивных копий писем Николая Милютина. Большую помощь в редактировании окончательного текста оказали моя помощница *Ирина Тимашова* и сотрудница Леонтьевского центра *Елена Костыгина*.

Научный руководитель МЦСЭИ «Леонтьевский центр»,
д. э. н., профессор
Сергей Васильев

Предисловие переводчика

Работа над данной книгой ее автора, известного французского историка и публициста Анатоля Леруа-Больё (1842–1912), совпадает по времени с написанием его основного многотомного труда по русской истории *L'Empire des Tsars et les Russes*¹, публиковавшегося с 1881 по 1889 год. Монография о Н. А. Милютине, как дополнение к нему, была впервые издана в Париже в 1884 году. В авторском варианте название книги было расширено добавлением *Etude sur la Russie et la Pologne pendant le règne d'Alexandre II*². Книга ориентирована на французского читателя и содержит типичные для французской литературы маркеры узнаваемости России.

В частности, практически на каждой странице текста мы находим написанные латиницей и выделенные курсивом русские слова. В добавление к общеизвестным *moujik*, *izba*, *troïka*, *tsar* и т. д., встречаются термины, характеризующие общественно-политическую ситуацию описываемого исторического периода и тот социальный слой, в котором действует основной персонаж и его окружение: *potëmchtchik*, *glavnyi komitet*, *zemstvo*, *tchinovnik*... Иногда, используя в качестве основы термин, взятый из русского языка, автор строит родственное слово по узнаваемой словообразовательной модели, более характерной, однако, для французского языка. Показательным примером служит образованное им слово *tchinovnisme* (ср. близкородственное рус. *чиновничество*).

Особенностью книги является также использование большого массива писем Николая Алексеевича Милютина и его ближай-

¹ Царская империя и русские.

² Очерк о России и Польше в период царствования Александра II.

шего окружения, доступ к которым имел автор. Большинство писем использовано фрагментарно. Однако в целом письма представляют собой значительную часть текста книги, где все они приводятся в переводе на французский язык. Неизвестно, владел ли сам автор русским языком и в какой степени или пользовался исключительно услугами переводчика, но переводы писем отличаются высоким качеством, хорошим литературным стилем, свойственным соответствующей эпохе, и, в сравнении с найденными их оригинальными текстами, даже выигрывают в логике изложения.

При этом переводы писем на французский язык, естественно, не могут передать спонтанности восприятия и ощущения соприкосновения с живой, не подвергшейся редакции речью персонажей произведения. Заглядывая, как показала история, в очень отдаленное будущее, связанное с переводом книги на русский язык, как бы в помощь переводчику, автор вкрапливает в переведенные тексты писем отдельные вписанные латиницей русские термины и словосочетания, взятые из оригиналов. Примерами могут служить *vyprovodili, miagko i ouklontchivo, oustavniia gramoty* (в латинской транскрипции последнего словосочетания не без труда узнается дореформенная русская орфография: *уставныя грамоты*).

Все это касается, в частности, тех самых спонтанно использованных корреспондентами неожиданных слов и оборотов, которые, конечно же, служат, по замыслу автора, лишь затейливой иллюстрацией того фантастического аспекта, который французская литература традиционно придавала России, ее населению, культуре, обычаям и общественному строю.

Михаил Щербина

Предисловие

В октябре 1880 года я получил по почте из Англии анонимную рукопись на очень хорошем французском языке, которую меня просили передать в «Ревю де Де Монд». Рукопись была озаглавлена: «Судьба русских государственных деятелей». В ней мне попало несколько фрагментов писем, пробудивших мое любопытство. Несмотря на это, с первых же страниц я понял, что речь не может идти о статье для французского журнала, чего я не стал скрывать от неизвестного мне отправителя, добавив, однако, что документы, переданные в мое распоряжение, могли, возможно, послужить основой серьезного исследования.

Моя идея была горячо воспринята. Немного времени спустя я получил в качестве образца несколько писем Николая Милютина, в подлинности которых меня заверили друзья покойного министра. Эта переписка, вскоре пополненная многочисленными письмами великой княгини Елены Павловны, князя Черкасского, Ю. Самарина и других видных деятелей современной России, касалась преимущественно двух самых значительных событий царствования Александра II, не считая войны в Болгарии, а именно освобождения крепостных крестьян и событий в Польше после восстания 1863 года.

Помимо того неожиданного света, который она проливала на эти два вопроса, еще остававшиеся в тени, и на аграрные законы России и Польши, переписка Милютина с друзьями обладала для меня еще и тем преимуществом, что внезапно показала наиболее неприглядные стороны императорской администрации и, если можно так сказать, самую сущность самодержавного управления.

Эти письма, все политического содержания, но носившие частный и зачастую доверительный характер, послужили мне

надежным подтверждением результатов моего терпеливого изучения управления России и русского общества. По правде говоря, не думаю, что в этом государстве, где публичность занимает еще так мало места, со времени откровений герценовского «Колокола» было написано что-то равнозначное, пробуждающее такой живой исторический и политический интерес¹.

В данной работе я добавил к различным письмам и документам, уже переданным в «Ревю де Де Монд» в 1880 и 1881 годах, новые сведения и материалы. Кроме того, смерть императора Александра II, князя Горчакова и большинства высших сановников, о которых в ней говорится, побудили меня раскрыть многие личности, которые в «Ревю» я опустил или указал инициалами. Эта предосторожность ничего не скрыла от пытливого взгляда тех, кто был в курсе политики империи, но имела тот недостаток, что могла ввести в заблуждение других, чего я предпочел сейчас избежать.

Должен сказать, что не держал в руках оригиналы на русском или французском языке всех писем, которые использовал в этом томе. Иногда мне приходилось довольствоваться их копиями, происхождение которых, впрочем, гарантировало их точность, исключая, возможно, лишь некоторые ошибки переписчика. К сожалению, приходится опасаться того, что часть оригиналов уже утрачена. В 1878 году в Петербурге они были помещены в шкатулку у одного из родственников Н. Милютина, и с тех пор шкатулка не найдена.

Я рад констатировать, что эта публикация, возможно, еще не имеющая прецедентов в России, не вызвала никаких протестов, что является одновременно доказательством правдивости документов и умеренности, с которой я их использовал. Надо сказать к тому же, что только на этом условии они были мне доверены. Если бы императорские чиновники сочли необходимым запретить распространение «Русского государственного деятеля», это было бы легко сделать в эпоху, когда мои самые доброжелательные высказывания в книге «Царская империя» были безжалостно замазаны *икрой* или искромсаны ножницами цензуры.

¹ См., в частности, [Leroy-Beaulieu 1881–1889, I. 2-ème éd., liv. II, ch. V].

В России и за ее пределами я встречал многих, чьи имена и письма указаны в этом томе, но, к несчастью, никогда не встречал того, кто стал его центральным персонажем, то есть Николая Милютина. Он умер в Москве в январе 1872 года, за несколько недель до моей первой поездки в Россию. Однако я видел в Москве и в Париже двух его знаменитых друзей, память о которых неотделима от его памяти, — князя Черкасского и Ю. Самарина. Воспоминание об их чертах и беседах с ними остается со мной. Оно оживляет пожелтевшие листки их переписки; страницы этого тома еще несут на себе ее живой отпечаток.

Большая часть книги посвящена польским делам. Поскольку мои неизданные документы (единственные, которые я захотел использовать в ней) имеют русское происхождение, вполне естественно, что в повествовании, как правило, выявляется взгляд на события России. Читателю не следует на это жаловаться, потому что во Франции и на всем Западе русская точка зрения в данном вопросе гораздо менее известна, чем польская. К тому же и русские, и поляки найдут здесь достоверные сведения, изложенные совершенно непредвзято. Мне это было тем более легко сделать, поскольку у меня есть друзья в том и другом народах, которые оба, на мой взгляд, в равной степени заинтересованы в сближении и взаимопонимании. В этом я убежден, и это убеждение крепнет во мне от года к году: читатели порой будут находить подтверждение тому в этой книге, на страницах которой я также смог вволю изложить мои собственные чувства в отношении старого и всегда острого польского вопроса.

Жизнь таит в себе странные неожиданности. Было время, когда я сильно удивился бы, узнав, что в один прекрасный день стану биографом и в некотором роде издателем Милютина и Черкасского. Польское восстание 1863 года было одним из тех событий, которые наиболее взволновали меня в молодости. Игнорируя гневные выпады Пушкина², в свои двадцать лет я воспел это восстание в стихотворной форме, потому что тогда писал стихи, и, как пылкий молодой человек и настоящий француз, я воспевал

² «Клеветникам России»: *О чем шумите вы, народные витии?* и т. д.

борьбу всех угнетенных народов от Севера до Юга и от Запада до Востока, в Польше и Венеции, тогда еще бывшей под австрийским игом, воспевал борьбу венгров и греков. Мои юношеские строфы, дважды посвященные в то время Польше, были отпечатаны в 1865 году небольшим тиражом вместе с другими моими поэтическими фантазиями того же времени. Никким образом я не заинтересован отвергать их или скрывать, и если их стих порой кажется заурадным, а рифма слаба, то вдохновение, наоборот, было благородным и искренним. В них нет ничего, за что я должен был бы краснеть. Моим друзьям нет нужды напоминать мне об этих творениях, написанных в двадцать лет, как если бы с тех пор в ходе моих последующих поездок по русским землям я их забыл или опроверг. В действительности я никогда не отрекался от них и не противоречил им. Эти стихи доказывают только одно: мой неизменный интерес к Польше. Они показывают, что если я и позволяю себе советовать полякам смирение и покорность, то это не от безразличия к их стране. В 1863 и 1864 годах я писал поэтическим языком чувства; сегодня в этом томе я занимаюсь историей и политикой. В этом все различие, и в то же самое время, когда я оплакивал несчастья Польши, я не питал никаких иллюзий касательно успеха ее политического возрождения.

Если старая польская республика и мертва, то народ Польши далеко не таков. Дело в том, что, когда мы говорим о заурадных предрассудках, в отношении целых народов они действуют иначе, чем в отношении отдельных людей. Жизнь народов может быть необыкновенно трудна; самые слабые, терпящие лишения, смертельно страдают. Польша тому пример. Вскоре пройдет столетие, как она была разрушена. В силу договоров с карты Европы было стерто целое польское государство. Но если уничтожить государство возможно, то никакие завоевания, разделы и международные конгрессы не могут уничтожить народ. Нация переживет государство, как душа переживет тело. Европейские народы, у которых есть история, язык, литература, никогда не смогут погибнуть полностью. Сто последних лет показали на примерах Греции, Ирландии, Румынии или Богемии, какой

жизненной силой и устойчивостью обладает нация. XIX век сформулировал это в некотором подобии закона истории, который лишь подтверждается демократическим развитием современных обществ, потому что корни нации погружены вглубь самосознания народа. Когда, при Луи-Филиппе, палаты французского парламента с политически недалёковидным упорством повторяли в своих посланиях монарху, что «польская нация не погибнет», они простодушно провозглашали истину, ныне ставшую банальной, своего рода историческое *общее место*, доказанный опытным путем факт, с которым должны считаться нынешние хозяева Польши. Забывая это, Россия проявит неосторожность, тем более что две соседние империи в какой-то момент могут оказаться заинтересованы вновь поставить на обсуждение польский вопрос. Раздел 1815 года не несет в себе ничего более рационального и окончательного, чем разделы Польши, произведенные в XVIII веке. Польша и все русские *марши* на запад, в ходе которых нации почти безнадежно перемешиваются, вопреки долговому вхождению в состав царской империи остаются полем неопределенности, судьба которого не кажется раз и навсегда решенной и где прусский германизм может однажды поспорить с русским панславизмом.

Май 1884 года

Глава I

Цель этого произведения. — Происхождение рода Милютиных. — Образование и первые жизненные опыты Николая Алексеевича. — Чиновная карьера при Николае I. — Реформа Петербургской городской думы. — Антинпатия высокопоставленных чиновников к Н. Милютину. — Недоверие к нему Александра II. — Состояние умов в начале правления. — Благотворное влияние великой княгини Елены Павловны. — Милютин в должности заместителя министра внутренних дел

В моих длительных исследованиях, посвященных России, я много раз был вынужден констатировать, насколько затягивания и отсрочки, непоследовательности и противоречия искажали действие самых лучших реформ. Я неоднократно показывал, сколько законодательных лакун и административных злоупотреблений брали свое начало в первичной несогласованности, до какой степени эта несогласованность была причиной разочарования в обществе и руководстве страны, а затем становилась поводом для смуты и тревог последних лет¹. В условиях самодержавного управления, представлявшего картину максимальной концентрации власти, то, чего более всего недоставало при Александре II до самого конца его царствования, — это единство точек зрения, единство в руководстве и единообразие в исполнении принятых решений.

Признаюсь скромно, что это открытие никогда не переставало меня удивлять, потому что в стране самодержавия ожидаешь

¹ См. в разных местах кн. [Leroy-Beaulieu 1881–1889].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru